

Вся сатира строится Кантемиром на противопоставлении должного и действительного. Хотя людям известны законы правосудия: «чтоб богатый не был прав, а обижен скудный, / Не судило б нам серебро, но правда святая», в действительности, «когда ж несут подарки, где злато блистает, / То вся та мысль за сто виорст от нас отбегает... Выше души ставим деньги не плоше Иуды». Таков вывод Кантемира, подкрепляемый образом взяточника подьячего. Наконец, образ «философа деревенского», который «обличает в людях моду грубу, / А себе четвериком сам валит за губу», завершает галерею сатирических персонажей и приводит Кантемира к пессимистическому заключению о «состоянии сего света», «причастного» «всем злым» (то есть всему злumu), полного «всех бедств» и «мерзостей».

Философия Кантемира, одной из главных особенностей которой была морально-этическая направленность, здесь выражена достаточно рельефно, хотя и не в положительной, а в критической форме. Впрочем, трудно представить себе какую-либо иную форму выражения взгляда на «дух философии», если принять во внимание, что этот взгляд должен был быть изложен в жанре сатиры. Гуаско имел основание говорить, что «из этой сатиры многие мнимые философы могли бы узнать, как далеки они от цели»: в самой сатире представлен ряд таких «мнимых философов», которых выдвинула современная Кантемиру русская действительность.

Произведенный анализ содержания сатиры «К солнцу» позволяет заключить, что именно это произведение имел в виду Гуаско, говоря о девятой сатире. Но в этом случае, на первый взгляд, возникает ряд осложнений. Стоюнин правильно подметил, что сатира «К солнцу» является законченным произведением. Между тем Гуаско указывает, что Кантемир начал было, но не закончил из-за болезни свою сатиру. Совершенно справедливо также и другое замечание Стоюнина, указавшего, что Кантемир к концу своей жизни не мог написать сатиру, пользуясь отвергнутой им уже к тому времени обычной силлабической формой стихосложения, в какой написана сатира «К солнцу». Наконец, принимая свидетельство биографа, что Кантемир создавал девятую сатиру в конце своей жизни, мы вступаем в противоречие с установленной выше точной датой создания этой сатиры. Верно ли в таком случае сообщение Гуаско? Мы полагаем, что оно, безусловно, заслуживает доверия, но должно быть правильно истолковано и уточнено. Гуаско, не знавший русского языка и судивший о работе Кантемира над IX сатирой лишь со слов последнего, видимо не совсем точно представлял себе, в чем именно заключалась эта работа. По прямому смыслу